

18+
Дмитрий Вержуцкий

Фарт и другие рассказы

Дмитрий Вержуцкий

Фарт и другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63176826

ISBN 9785005151803

Аннотация

В сборник вошли новые рассказы, в основном связанные с событиями, случившимися с автором сборника или написанные под впечатлением историй из жизни, услышанных от близких или знакомых. В них повествуется о разных людях: учителях и школьниках, генералах и профессорах, сотрудниках противоэпидемической службы и многих других персонажах. Интригующие находки, неожиданные встречи и события, удары судьбы и забавные истории, любовь и предательство – все это читатель сможет найти в этой книге.

Содержание

Из экспедиционной жизни	5
Фарт	5
Один день в Решотах	22
Тувинские рассказы	34
Повесть о мальчике и чуме	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фарт и другие рассказы

Дмитрий Вержуцкий

© Дмитрий Вержуцкий, 2020

ISBN 978-5-0051-5180-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из экспедиционной жизни

Фарт

Солнце уже совсем скрылось за плотной стеной деревьев, но темнота еще не пришла. Лишь по краям поляны в подлеске только-только появились и начали осваиваться вечерние сумерки.

За ужином Лева непривычно молчал и, судя по сдвинутым бровям и заторможенной реакции на происходящее вокруг, о чем-то усиленно думал. Давно его зная, я сразу определил, что мой приятель снова что-то затевает. Прикинув расклад, решил пока не приставать с лишними расспросами. Раз уж у Левы возникла новая идея, то ей надо дать возможность созреть.

Народ, а в основном это были студенты, сидел под навесом за длинным столом, сколоченном из толстых кедровых плах. Все что-то рассказывали, вспоминали дневные перипетии, беззлобно поддевали друг друга, искренне хохотали и развлекались разными другими способами. Бак картошки с тушенкой уже опустел, и присутствовавшие неторопливо попивали чайк и отдыхали после завершившегося дня.

Два парня из Владивостока периодически хлопали себя по рукам и коленям, вслух громко считая убиенных за сегодня комаров. С утра они поспорили на завтрашний компот, кто больше их наколотит. У обоих счет приближался к третьей тысяче. На другом конце стола девчонка из Кишинева вдохновенно вспоминала все новые подробности о ее недавней встрече на тропе с настоящим медведем. Уже не раз слышавшие эту историю, сидевшие поблизости ахали и охали, прикидывая – что же с ними во время практики случилось такого, о чем можно было бы тоже рассказать.

В тот день зоологи не ходили на дальние площадки. Собранный на ближнем трансекте послеобеденный материал получилось разобрать как раз к ужину. Все насекомые, многоножки, паучки и прочие мелкие «козявки» были распределены по систематическим группам, подсчитаны и взвешены на торсионных весах. Затем их разложили по ватным матрасикам или флакончикам из-под пенициллина с фиксатором – этиловым спиртом пополам с формалином. Этикетки сделаны, рабочие тетради заполнены, и – редкий случай – после ужина мы оказались свободны. Чаще вечером приходилось еще час-два проводить в лаборатории.

Это было нормально и привычно в полевых командировках Института географии. Здесь все подчинялось одной главной задаче – получить как можно больше данных о при-

роде за короткий сезон экспедиционного выезда. На таежном стационаре работали климатологи, геоморфологи, геоботаники, гидрологи и другие специалисты, объединяемые географической наукой. За каждым сотрудником закреплялись несколько студентов, проходящих практику, приехавших из разных ВУЗов страны.

Время от времени таежный стационар посещали унылые затяжные дожди. Такие дни назывались «активированными», и народ, сидя по палаткам, играя в карты и шахматы, быстро начинал тосковать по привычному ритму полевой жизни. Начальство и остальные научные сотрудники с каждым днем все больше скучнели, Выскакивая под дождь по утрам, они вглядывались в небо, сереющее рваными клочьями между крон пихт и кедров, в надежде обнаружить среди туч долгожданные синие просветы. После таких вынужденных сбоев в работе, приходилось вставать в пять утра, вкалывать весь день, и еще оставаться вечеровать допоздна в лаборатории.

Метрах в ста за баней, на самой окраине полевого лагеря, в свое время студенты из Риги оборудовали «кафе». С пятток гигантских разлапистых кедров, расположившихся широким полукругом, смыкались кронами и служили неплохой защитой от несильного дождя. По центру утопанной во время танцев полянки находилось обложенное речными камнями кострище. По окружности располагались четыре ши-

роких и длинных скамейки со спинками, также срубленные из больших кедровых плах. Перед ними на толстые чурки ставили миски с сахаром-рафинадом, дешевыми конфетами, мелким рижским, слегка горьковатым, печеньем. К столу подавали традиционный кофе, сваренный в пузатом медном кофейнике, тоже привезенном когда-то из Прибалтики.

Кофе разливали по кружкам, о чем-то рассказывали или обсуждали, спорили, загадывали загадки, играли в разные игры, пели песни. Иногда удавалось поймать хорошую музыку приемником «Спидола» – неизменным спутником геологов и полевиков в экспедициях Академии Наук. Изредка, особенно в промозглую погоду, в кофе добавлялся и спиртик. Народ здесь собирался молодой, время от времени из освещенного круга на какое-то время исчезали парочки, уединяясь в палатках.

В зоологической группе в этот год не получилось со студентами-биологами. Начальник, большой и кудрявый мэнэ-эс Володя, буквально в последние дни перед выездом успел собрать кого смог по друзьям-знакомым-соседям. Иркутский Академгородок снабдил его тремя четырнадцатилетними шалопаями-школьниками и парой длинных девиц чуть постарше из физкультурного техникума.

С таким вот контингентом Володя отчаянно пытался вы-

полнить все намеченные на сезон планы. Мы слевой жили с родителями в соседних панельных «хрущевках» и учились в одном классе. У Славика папа числился замдиректора какого-то института. Их семья занимала большую квартиру в кирпичном профессорском доме. Набирался знаний Славик в другой школе, в центре города. В принципе, он был неплохим парнем, и мы с ним ладили, хотя и близко не сходились.

В тот вечер Лева куда-то исчез. Меня не особенно беспокоило его отсутствие – мало ли, может, к кому в гости зашел или спать пораньше завалился после ужина. Мы со Славиком, намазавшись, как и все, из тюбиков репеллентом «Дэта» от комаров, устроились в кафе на конце дальней лавки, слушая окружающих. Студентки-латышки в этот вечер много пели на своем красивом незнакомом языке, в основном что-то протяжное и лирическое. Воздух, насыщенный сильным ароматом пихты, привычно гудел висящей в воздухе взвесью из бесчисленной кровососущей братии. То и дело над костром стремительным угловатым полетом проносились небольшие летучие мыши-ночницы.

Ближе к полуночи все начали расходиться, ушли и мы. Левы в палатке не было. Забравшись в ватные спальные мешки, мы со Славиком прикончили сотню успевших залететь под москитный полог комаров, задули свечку, рассказали

на ночь друг другу по страшной истории и быстро уснули. Спалось нам тогда по молодости и на свежем воздухе всегда хорошо. Но утром на наших широких нарах, застеленных пихтовым лапником, Левы снова не оказалось. Нетронутый спальник говорил, что он и не появлялся. Это уже было тревожно и непонятно.

Возле кухонного навеса с ветки лиственницы на толстой проволоке свисал кусок рельса. Рядом, на сыромятном ремешке находился подвешенный на гвоздь полуметровый отрезок толстой арматуры. Дежурные по кухне дважды били ею по рельсу минут за пятнадцать до начала завтрака, обеда или ужина. Это называлось «первый блям». Когда еда была совсем готова, в рельс стучали уже трижды. В полусотне метров в большом рубленном доме с пристроями по сторонам располагалась лаборатория, за ней, огибая крупные кедры и пихты, разбегались две тропки, вдоль которых нестройно белели жилые палатки. В них, чаще по двое или по трое, жили специалисты и студенты.

Отправившись после второго бляма на завтрак, мы со Славиком обнаружили за столом целого и невредимого Леву, с аппетитом уминающего гречку с тушенкой. Перебивая нас и рассказывая потоком старые анекдоты, он так и не дал возможности спросить – куда же он подевался ночью. Судя по сияющим глазам и приподнятому настроению,

в Левиной жизни явно что-то произошло, и это что-то его очень и очень радовало. Славик, глянув на него, потом на меня, что-то сказал про «шерше ля фам». Мне такой вариант показался маловероятным.

После завтрака школьно-студенческий народ распределили по работам. Володя с девчонками и Славиком направился на север ставить плашки на мышей в дальнем лесоболотном урочище. Нас слевой вдвоем он отправил самостоятельно брать почвенные пробы на площадке, расположенной в старом осиннике километрах в пяти от лагеря стационара. По пути туда Лева помалкивал, что-то снова обдумывая. Расположившись полулежа на брезентовых плащах, мы методично отрывали небольшие кусочки от большого кома дерновистой почвы, лежащего на куске полиэтилена, складывая попадавшуюся живность в толстостенные, темного стекла банки.

Ловко выдернув из горсти земли здоровенного дождевого червяка и засовывая его в морилку, Лева, наконец, прервал свое загадочное молчание и произнес:

– Значит, так. Помнишь, третьего дня ходили на дальние вырубki?

Конечно, дальние выходы сложно не запомнить. Тогда пришлось подняться в четыре утра, чтобы поспеть к рассвету на нужные площадки для отряхивания деревьев.

На рассвете, когда нет дождя и ветра, в тайге довольно прохладно даже в середине лета. Насекомые и прочая беспозвоночная мелочь в это время находится в оцепенении и плохо держится в кронах деревьев. Несколько ударов большим деревянным молотком с чуркой на конце (колотом) и вся эта живность ссыпается из кроны вниз, на расстеленные полога, сшитые из белых бязевых простынь. Когда поднимается солнце, сразу становится теплее. Если пытаться околачивать днем, те «козявки», что имеют крылья, улетают, а другие сильнее цепляются за субстрат и, даже при сильных ударах, остаются на деревьях. Поэтому, хочешь не хочешь, а приходилось отряхивать сосны, березы и кедры только рано-рано утром.

– Так вот, – продолжил Лева, – я же, ну ты в курсе, тогда отстал, в кустики захотелось. Руки в ручье ополоснул, глядь – а на дне желтое, точками блестит! – Он замолчал, поглядывая сбоку на меня и оценивая произведенный эффект. Я подумал и, с сомнением в голосе, спросил:

– Хм... Ну и что там такое желтое могло быть?

Лева сделал театральную паузу, оглянулся вокруг, наклонился поближе и тихо, но внятно произнес:

– Как что? Золото! – и повторил уже звенящим шепотом:

– ЗО-ЛО-ТО!!

Затем, еще раз осмотревшись – не подслушивает ли кто,

Лева придвинулся и взволнованным голосом стал быстро излагать мне суть и ход произошедших событий.

И как он обмер, сразу поняв, ЧТО находится в ручье. И как выстраивал план действий. И как вчера, после ужина, счастливо избежав встречи с кем-либо, с саперной лопаткой в руке и рюкзаком за плечами бежал рысью по тропе к заветному ручью. Как промыл семь или восемь ведер грунта в алюминиевом тазу, прихваченном из бани, и начал аккуратно добывать остаток в эмалированной миске, круговыми движениями отгоняя в стороны песок.

– Это же фарт! Настоящий фарт!! Только тут, знаешь, какое-то золотишко-то странное оказалось! Чешуйчатое какое-то... Оно, почему-то, всплывало и всё с водой смывалось! Но я его, все равно, наловил! Правда, мало попало, большинство чешуек, пока приспособился, уплыло...

Лева достал из нагрудного кармана энцефалитки пенициллиновый флакончик и протянул мне. На дне, действительно находилось с десяток мелких, слегка желтоватых пластинок. Впечатления они не производили.

– Да, ладно! – продолжил Лева. – Это не главное. Мою я песок, мою, а на дне такие же пластиночки стали попадаться, только черные и блестящие. Во, – смотри! – и он протянул мне другой пузырек, на треть заполненный какими-то мел-

кими гранулами, почти черными и на плоскости отливающими металлическим блеском. Пузырек был, хотя и маленький, но ощутимо увесистый. Видя мое недоумение, Лева пояснил:

– Ты же чувствуешь, какой тяжелый этот песочек-то намытый? Так вот, это – не золото!

К этому времени я уже понял, что в излагаемой истории все не так просто:

– Ну, и? Ты, это, ближе к делу, а то сейчас все червяки расползутся!

Лева на секунду обиженно замолк, но азарт, клокочущий в его груди, снова подтолкнул его к продолжению рассказа.

– Да как ты не понимаешь! Это же – платина! ПЛА-ТИ-НА!!

– И? И что – что платина?

– Да платина же дороже золота! Ты даже не представляешь – на сколько этот флакончик в рублях потянет!!

– Гм... И куда ты его пристроишь? – я, наконец, отловил пинцетом пытавшуюся удрать мелкую скачущую ногохвостку и поместил ее в морилку.

– Да пока не знаю, – ответил Лева, – но, думаю, что дантисты всяко возьмут. Они же золотые зубы ставят. А тут – из платины! Желающих, поди, сколько угодно найдется!

– Так... А с деньгами-то – что делать будешь? – я высыпал в сторону просмотренный грунт и набрал следующую порцию.

– Да как что?! Пенициллинку бы добрать – тогда уж точно на мопед хватит! А может, даже, и на мотоцикл! – Лева размахивал пинцетом, не замечая, как с лежащей перед ним кучки грунта, слегка извиваясь и быстро перебирая ногами, убегает в сторону личинка жука-стафилинида.

Перехватив насекомое и водворив его в эфирную атмосферу стекляшки, я представил себя обладателем мотоцикла и задумался. Прокатиться пару-тройку раз – да, интересно. Съездить куда-нибудь, наверное, можно. А так, пожалуй, мне особо мотоцикл и не нужен.

– Слышь, Левка, а зачем тебе мотоцикл?

– Не! Ну, ты же вообще ничего не понял! – Лева снова заподпрыгивал, уже не оглядываясь тревожно по сторонам. – Мотоцикл – это что? Это – свобода!

Лева на минуту замолк, перебирая почву, и, видимо, формулируя свои мечты и способы их достижения.

– Это ж можно за черемшой, за папоротником ездить в тайгу; за грибами, за ягодой! Потом шишку кедровую бить! А на рыбалку! Мне один дедок с материной работы обещал свой бредень отдать, сильно уловистый, говорил! Потом все это продаешь на рынке, и денег можно срубить – во! – Лева провел себе рукой по горлу, показывая вероятные размеры предстоящего в перспективе богатства.

– А потом? – мне было любопытно, – до каких границ протирается фантазия Левы.

Тот вскочил и, размахивая руками, начал излагать давно, по всей видимости, продуманную последовательность накопления капитала, его оборота и приумножения в умелых руках.

Левины глаза блестели, мысли во фразах приобрели отточенность и логичность. Перспективы, надо признать, были им нарисованы увлекательные и вполне конкретные. Закончив свою речь описанием уютного, утопающего в магнолиях, двухэтажного домика в Крыму в бухточке с собственным пляжем, с причалом и океанской яхтой, шикарной гоночной машиной в гараже и не менее шикарной блондинкой в качестве своей спутницы, Лева сделал перерыв в мечтаниях.

Некоторое время мы молча работали. Завершив разборку всех четырех запланированных на сегодня проб почвы, упаковав морилки в полевую сумку, а остальное – в рюкзак, мы тронулись к лагерю.

– Так это... Я к чему тебе все рассказал? Завтра Володя на базу на два дня уходит. Вечер тоже будет свободный. Рванем, помоем вместе, а то одному, как-то не очень. Что заработаем – пополам!

Как оказалось, на обратном пути, Лева наткнулся на тропе на следы большого медведя. Во вмятину когтистого отпечатка на глине медленно затекала вода из соседней лужи. Уже совсем стемнело, до лагеря еще оставалось километра четыре. Лева, с лопатой наизготовку, дошел до старой триангуляционной вышки, залез, пропустил лямку рюкзака вокруг опорного бревна и собственного ремня. Так там и переночевал на сорокаметровой высоте, немало порадовавшись почти полному отсутствию комаров. Он резонно предполагал, что риск быть задавленным медведем в одиночку неоправданно велик и предлагал теперь мне составить ему компанию.

Вечером следующего дня, соответственно снарядившись, мы рванули на место. Мойка песка из ручейка оказалась довольно нудным занятием, но за пару часов два пеницилли-

новых флакончика тем, что Лева называл «платиной» мы набили. На обратном пути, отдыхая на привале у небольшого ручейка, Лева снова вернулся к разговору.

– Одна только проблема. Надо бы с кем из взрослых поговорить. Кто в этом деле соображает. А вдруг, это – не платина? А какой-нибудь редкий металл, который еще дороже стоит? Если месторождение открыл – за это же тоже что-то дают?

– Ага, дадут. Десять лет без передачек! – меня начала веселить эта история. – Да, кстати, тяжеленький песочек-то. Может, уран? – я невинно посмотрел на Леву.

Тот быстро вытащил флакончики из кармана, повертел их в руках и засунул обратно.

– Не, он бы светился!

– Вот дурында, тебя что, в школе совсем не учили? Это ж фосфор светится, а уран, он того, невидимый. Детей потом не будет. Ты с этим, лучше, не шути, а то – фиг знает...

Лева снова вытащил добытые сокровища из кармана и воткнул пузырьки в мох подалше от себя.

– И что же делать? – его энтузиазм заметно ослаб.

– Хм, а что, если к Карлу Францевичу обратиться? – подумав, предложил я. – Он мужик что надо, лишнего никому не скажет.

Наш научный руководитель стационара был уникальным человеком. Латыш, с феноменальной эрудицией и памятью, специалист-геоморфолог, яркий и талантливый преподаватель, пропустить профильную лекцию у которого среди студентов считалось невосполнимой потерей. Защитив в сорок лет докторскую диссертацию, Карл Францевич сразу возглавил целое направление в географической науке. Обладавший огромным авторитетом, он никогда и ни на кого не повышал голоса, со всеми разговаривал уважительно, даже к нам – школьникам обращаясь только на «Вы». Время от времени с удовольствием принимал участие в посиделках в «кафе» и всегда был готов обсудить любые проблемы, ненавязчиво, но четко аргументируя и логично обосновывая свой взгляд на самые разные вещи.

На следующий день после обеда, уловив момент, мы севой нагнали шедшего в лабораторию Карла Францевича и сбивчиво объяснили ему возникшую проблему. Слегка улыбнувшись, тот взял флакончик со светло-желтыми пластинками, достал из кармана складную сильную лупу и вни-

мательно осмотрел содержимое, наклоняя сосуд в разные стороны.

– Слюда! – последовал лаконичный вывод. Взяв другой флакон, он взвесил его на руке, мельком глянул через лупу и заключил:

– Пирит. Серный колчедан. В общем, сокровищ, ребята, вы не нашли, но само любопытство уже похвально! Из вас выйдет толк! На той неделе мне надо будет делать шурфы на тридцатой точке. Если хотите, попрошу Володю, чтобы он вас со мной отпустил. Там в шлихах знаки регулярно попадают, могу вам настоящее золото показать. Хорошо? – и он удалился, оставив нас в противоречивых чувствах.

* * *

Много чего произошло в нашей жизни с тех пор. Домик в Крыму так и остался для Левы неосуществленной мечтой, хотя, следует признать, усилий в этом направлении он прилагал немало. Детская уверенность – когда-нибудь прославиться и обогатиться – так и не давала ему покоя, временные успехи бывали, но кардинально преуспеть не получалось. Наши с ним пути расходились и снова сходились. Временами мы долго не виделись, находясь в разных городах, лишь перебрасываясь парой писем в год. Иногда встречались достаточно регулярно, и я слушал рассказы о его новых при-

ключениях, время от времени даже принимая в этих авантюрах непосредственное участие.

На днях в телефоне высветился камчатский МТС и в трубке раздался озабоченный голос Левы:

– Слушай, я тут с одним бичом познакомился. Он мне по пьяному делу подробную карту нарисовал, где в Саянах Деминский золотой водопад находится. Сведения верные, он с кем-то в лагере сидел, тот помер, а перед этим рассказал все как есть. В августе прилечу, надо найти, ты как?

Ну, вот как перед таким предложением устоять? Да никак...

– Конечно прилетай, сходим!

Один день в Решотах

Большинство дней в жизни людей пролетает, не оставляя за собой никакого следа. Но некоторые врезаются в память и вспоминаются через много лет в мельчайших подробностях.

В тот год я после второго курса универа проходил практику на стационаре, организованном географическим институтом в тайге в низовьях реки Ангары. Стационар так официально и назывался: «Приангарский таежный». География – наука объединяющая, и здесь проводили исследования почвоведы, ботаники, зоологи, гидрологи, климатологи, геоморфологи и прочий люд, занимающийся изучением – что и как происходит в природе. У каждого специалиста – сотрудника института, как правило, имелось на подхвате два-три студента, обучавшихся у них основам полевой работы. Эту молодежь приглашали из разных ВУЗов со всех концов страны, народ собирался интересный, поэтому скучать не приходилось.

Однажды вечером на базу стационара доставили телеграмму. У одной из наших девчонок, приехавшей из Томска, сильно заболел кто-то из близких. Ей срочно нужно было уехать домой. Поезд из одного плацкартного и четырех общих вагонов с тепловозом, называемый всеми «мотаня», отправлялся ежедневно поздно вечером со станции, находя-

щейся в нескольких километрах от базы. Руководство стационара резонно рассудило, что отпускать восемнадцатилетнюю девчонку одну слишком опасно, и с ней нужно кого-то отправить для подстраховки.

Однопутная железнодорожная ветка в то время была протянута от станции Решоты на Транссибе в тайгу километров на триста на север. В ближайшие годы ее собирались довести до села Богучаны, где проектировалось строительство новой ГЭС Ангарского каскада. А пока она служила транспортной артерией, связывающей с «Большой землей» многочисленные исправительно-трудовые лагеря и редкие старые деревеньки. По дороге завозили людей и разные грузы, вывозили лес и лесоматериалы – любой лагерь в этих краях представлял собой, в сущности, большой леспромхоз, выполнявший спускаемые сверху планы по заготовке древесины.

Лагерей, в каждом из которых трудилось несколько тысяч заключенных, было много. Они стояли через пять-десять километров пути, возле станций с запасными путями, где порталные краны загружали в вагоны лес. Таким образом, остановки шли одна за другой, на них «мотаня» и стояла, пока не завершалась погрузка-выгрузка. К своему конечному пункту назначения, станции Решоты, состав приходил только утром. Большинство пассажиров в южном направлении составляли только что освободившиеся бывшие заключенные (в этих краях их называли просто «зеки»). Почти все остальные пассажиры служили в лагерной администра-

ции или в охране, следуя в отпуск или по служебным делам. Обстановка в поезде была соответствующая.

Сопровождать уезжавшую девчонку назначили меня, как прошедшего этот маршрут уже не один раз и наиболее опытного из студентов. Начальник отряда выдал под расписку десять рублей, отдал командировочное удостоверение и напомнил о необходимости его отметить и «чтобы обязательно были круглые печати» с читаемой надписью «Решоты». Иначе, мол, без правильной отметки в командировочном, эти три дня бухгалтерия института мне не оплатит.

В поезде мы сразу забрались на верхние полки и до места добрались без каких-либо особых приключений. Поспать, правда, не удалось – слишком возбуждены и беспокойны оказались пассажиры из освободившегося из лагерей контингента. Выйдя из вагона «мотани» мы, не теряя времени, сразу помчались к кассе. Вокзалы Транссиба и ветки на Карабулу находились километрах в двух друг от друга. Оказавшись в числе первых, нам удалось быстро купить билет на ближайший скорый поезд. Уже через час я благополучно затащил тяжелый чемодан моей подопечной в тамбур остановившегося на пару минут поезда «Владивосток – Москва». Прощаясь, мы обнялись в тамбуре и искренне обещали писать друг другу письма. Проводница едва успела согнать меня на перрон, как состав тронулся. Почувствовав себя достойно выполнившим важное задание и, наконец-то, свободным, я вернулся на свой вокзал, отстоял небольшую очередь

и купил обратный билет. Затем решил немного прогуляться по поселку, тем более, что до отправления «мотани» оставалось часов шесть.

При виде вывески «Столовая» на большом доме из бруса, сразу захотелось чем-нибудь перекусить. В очереди стояло несколько человек. Раздатчица никуда не торопилась. От нечего делать, я стал рассматривать помещение и находящихся в нем людей. Присутствовал большой зал с двумя десятками столов, из которых больше половины были свободными. Беленькие, с мелкими синими цветочками, клеенки покрывали столешницы, в середине каждой гнездились фарфоровые солонка и перечница, продолговатая емкость с горчицей, с воткнутой в нее деревянной лопаточкой, и чекушка столового уксуса. На окнах висели тюлевые светло-желтые шторы. Две репродукции Шишкина и Айвазовского в рамках украшали побеленные стены, возле одной из них в кадке росла настоящая пальма с пучком кожистых зеленых листьев на вершине.

Народ в зале подобрался разнородный. Рядом с входной дверью сидели четверо солдатиков из внутренних войск. В углу лежали их вещмешки, шинели и автоматы. Возле ближнего окна выпивали и закусывали трое офицеров. Один, постарше, в майорских погонах что-то вальяжно рассказывал про свой отпуск на море. Речь его изобиловала пикантными подробностями. Двое старлеев старательно внимали повествованию, угодливо кивали и дружно удивлялись.

Шесть или семь недавно освободившихся зеков сидели по одному или по двое за столами и, опустив головы, молча ели. За столиком у внутренней стены, прямо под копией картины Айвазовского, расположились двое железнодорожников, сосредоточенно и тоже молча поглощая содержимое тарелок и запивая его компотом.

Только из дальнего угла периодически доносились звуки веселья. Там пили и что-то вспоминали четверо парней в таких же энцефалитных костюмах, как и у меня, по виду – геологи или геодезисты. Их стол был заставлен разнообразной снедью, вперемешку с торчащими бутылками портвейна и стаканами. Судя по всему, ребята только что выбрались из тайги. По всей видимости, они прибыли на стоявшем перед входом в столовую грузовике-вездеходе, с надписью на кунге «Георазведка».

Очередь на раздачу сдвинулась. Я взял поднос, поставил на него стакан с томатным соком, салат со свежей капустой и взял пару кусочков хлеба. Впереди случилась заминка. Приземистый, с жестким взглядом и прожженным солнцем лицом, бывший зек никак не мог определиться с предпочитаемыми блюдами.

Раздатчица снова повторила:

– Мужчина, выбирайте скорее!

Тот пожал плечами, помялся.

– Ты это... Что-нибудь пожрать дай!

– Что Вам дать-то, мужчина?

– Ну что-что? Первое и второе!

– На первое есть борщ, щи, солянка, окрошка! На второе – котлеты, тефтели, шницель, мойва жаренная. Выбирайте!

Мужик опять затупил. Видимо, проблема выбора последние лет десять для него не существовала. Помолчав, он снова поднял глаза на раздатчицу:

– Пожрать, говорю дай!

– Борщ и котлету?

– Давай! И хлеба!

– Хлеб вон там возьмите! Гарнир какой брать будем? Есть гречка, картофель-пюре, рис.

– Ладно, это... Гречку давай!

– Пить что будем? Спирт? Водку? Есть портвейн «Кавказ», пиво свежее сегодня завезли!

Мужик явственно сглотнул, но потом мотнул головой.

– Ты чо гонишь-то, в натуре? Нельзя сейчас пить. Чаю дай! Только нормального, черного!

Женщина наполнила тарелки, достала алюминиевую кружку, засыпала туда полную горсть заварки и залила кипятком из титана. Расплатившись, зек взял поднос и пошел к столикам. Раздатчица молча покачала головой, глядя ему вслед.

Я выбрал рассольник, гуляш с картошкой и компот. Получилось на восемьдесят копеек. Пообедав, вышел на крыльцо и закурил. Было тепло, светило солнце, по небу лениво плыли кучерявые белоснежные облачка. Станция утопа-

ла в зелени, возле лужи ворковали голуби. Жизнь прекрасна! На последней затяжке вдруг вспомнил про командировочное. Черт! Как же я мог забыть? Надо же его обязательно отметить, и чтобы с печатью! Да без проблем, сейчас все сделаем, времени достаточно!

В сельсовете оказалось закрыто. Как же я не учел, что сегодня воскресенье! Обойдя подряд учреждения поселка, кучковавшиеся в центре, убедился, что почти все в выходной отдыхают. У работающих круглой печати ни в одном заведении не имелось. Разбитная деваха с кудряшками, продававшая входные билеты в общественной бане, услышав неожиданную просьбу, расхохоталась: «Да здесь клейма на многих негде ставить, какая печать? Слышь, парень, а может, просто так покувыркаемся? У меня в подсобке диванчик есть!» Несколько оторопев от такого предложения, я отмазался срочными делами и быстрым шагом направился на вокзал.

«Только прямоугольная печать есть, штамп стационарный!» – сообщили мне в железнодорожной кассе. Круглая находилась в сейфе у начальника станции, который уехал на рыбалку. Я вернулся к сельсовету, путем опроса в соседних домах выяснил, где живет его председатель. Найдя нужную усадьбу, постучал в ворота. Вышедшая женщина объяснила, что муж уехал на рыбалку вместе с начальником станции. Вернется поздно, а печать у него тоже хранится в сейфе, в кабинете. Положение казалось безвыходным. Похоже, что все возможности по поиску нужной для бухгалтерии печати

были исчерпаны.

С нехорошим чувством, что пообещал, но не сделал, я вернулся на перрон, откуда должна была отходить «мотаня». Сбоку за палисадником из окна одного из пристанционных зданий раздался чей-то хохот. Повернув голову и обнаружил вывеску «Решотинский линейный отдел МВД на транспорте». И тут меня осенило: «Милиция! У них же, всяко, печать должна быть!» Бросившись в открытый проем входа, я проскокочил через заваленный хламом тамбур и, дернув на себя ручку внутренней двери, влетел в помещение.

Мгновенно охватившее меня чувство опасности, сообщило, что лучше бы я сюда не заходил. Из персонала в данный момент здесь присутствовали четверо пьяных вдрабадан служителей закона, сразу как-то нехорошо уставившихся на меня. В большой комнате имелось три канцелярских стола с несколькими стульями, три шкафа, кресло и сейф в углу. На одном из столов на газете лежала нарезанная колбаса и стояли стаканы с чем-то мутным. Слова, подготовленные перед этим, застряли у меня в горле.

Молчание прервал сержант, сидевший на краю стола:

– Ну, и какого... тебе надо?

– Дяденьки, помогите, пожалуйста, мне тут круглую печать поставить надо! На командировочном! Студент я, без печати сказали, что не оплатят! – как можно более жалобно высказал я свою просьбу.

Мое обращение, не сразу, но вызвало совершенно нежи-

данный эффект.

– Так, у нас же есть круглая печать? Есть!

Милиционеры задумались, потом переглянулись и вдруг начали хохотать. Некоторых от смеха складывало пополам! Показывая на меня пальцем, больше всех резвился тот самый сержант:

– Печать! Ему круглую печать надо! Ха-ха-ха! На командировочном!! Ой, держите меня трое, не могу!!

Стоя посередине комнаты, я попятился, ничего не понимая и продолжая по инерции просительно мямлить:

– Ну, пожалуйста... Дяденьки... Везде закрыто... Печать на командировочное... Студент я... Не оплатят... Помогите, а?

– А что, мужики, может, и правда, поставим печать? – отдышавшись от очередного приступа хохота, поинтересовался упитанный мент, единственный офицер с погонами младшего лейтенанта, сидевший в кресле.

Предложение вызвало новый бурный приступ веселья. При этом стало хорошо заметно, что все присутствующие были не то, чтобы пьяными, а какими-то дурными. «Таблеток наелись, что ли?» – злобно подумал я, а вслух побожился, что буду до конца жизни помнить их доброту, но хотелось бы документ заверить... «Надо круглую печать, вот здесь и здесь – в двух местах! А то ведь не оплатят дни...».

– Ладно, поставь, Андрюха, ему печать! Ха-ха-ха! – продолжая веселиться, распорядился старший по званию, – Мо-

жет, замазать тебе маленько отпечаток-то?

– Нет-нет, мне надо, чтобы все читалось! Чтобы «Решоты» на печати видно было!

Сержант, булькая от сдерживаемого хохота, взял у меня командировочное, открыл сейф и достал печать. Промокнув о подушечку и подышав на нее, он примерился и умело вдавил печатью по указанным мною местам в удостоверении и, неожиданно тонко взвизгнув от смеха, отдал командировочное. Попятившись, я произнес скороговоркой слова благодарности и бросился в дверь.

Отойдя от здания милиции, нырнул в кусты акации, нашел там чурку, сел и закурил, переживая случившееся и приходя в себя. С родной милицией что-то было не так. С одной стороны – менты выглядели явно не просто пьяными, а какими-то дурными, с другой – мне совершенно непонятна была причина их столь бурного веселья по совершенно безобидному поводу.

Ладно, решил я, все это сейчас не так важно. А важно то, что до отхода «мотани» оставалось полчаса, а я в беготне уже проголодался и очень хотел пить. Магазин под вывеской «Продукты» находился рядом, имея выход на небольшую привокзальную площадь со сквериком посередине. Покупателей не было. Опустив на прилавок внушительный бюст, за стойкой скучала дебелая продавщица. Поздоровавшись, я принялся изучать небогатый ассортимент, представленный на полках.

После недолгих раздумий, определился в своих желаниях:

– Дайте, пожалуйста, коржик за шесть копеек и две бутылочки напитка «Медок», по двадцать две копейки.

Продавщица, не пошевелившись, перевела на меня глаза и произнесла совершенно неожиданную фразу:

– А ты, паря, с двух бутылок-то, не охренеешь?

Понимая, что мир вокруг рушится, и меня снова угораздило попасть в какую-то аномальную зону, я осторожно выложил на прилавок полтинник и еще раз спросил:

– Тетенька, мне бы напитка «Медок» две бутылки, пить сильно хочется, и коржик. «Мотаня» скоро отходит, долго ехать, что-нибудь перекусить бы перед дорогой надо.

– Ха-ха-ха! А я вот думаю – с двух-то ты точно охренеешь! – радостно продолжила свою мысль женщина. – Да мне-то что? Пей!

Она забрала деньги, выставила на прилавок две бутылки «Медка» и положив рядом коржик, снова погрузилась в дремотное состояние. Совершенно сбитый с толку, в раздумьях – чтобы все это значило? – я направился в скверик. Открыл пробку о торчавшую из земли арматуру, откусил коржик и сделав большой глоток напитка, тут же все выплюнул. В бутылке была бражка! Самая настоящая, недавно перебродившая, еще дурная, но уже достаточно крепкая! Где-то нарушили технологию и легкий прохладительный напиток превратился в убойное пойло!

Тут пазл сложился. Неадекватные менты, высказывания

продавщицы – все стало на свои места! Крепкий, сносящий крышу, напиток по двадцать две копейки за бутылку! «Так, с этим понятно. Но почему они так смеялись надо мной? Что-то здесь еще не так! Ладно, рано или поздно, все выяснится! Пора уже, вот и „мотаня“ подходит!». Оставив в скверике под кустом сирени бутылки, я доел коржик, запил водой из колонки и побежал к поезду.

Заняв место у окна, в полупустом вагоне, сразу задремал, но потом подскочил, как ужаленный! Внезапное озарение говорило, что смех напившихся бражки ментов явно связан с печатью, которую они сначала не хотели мне поставить на командировочное удостоверение. Достав из кармана «энцефалитки» злополучный документ, я взгляделся в два огромных оттиска, красующихся на соответствующих местах документа, где мелким шрифтом были нанесены слова «Прибыл» и «Убыл». По кругу, к моему отчаянию и ужасу, ясно читалась вся надпись: «Министерство внутренних дел РСФСР. Красноярский край, ст. Решоты Вост.-Сиб. Ж. Д. МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЬ линейного отдела МВД»!

Тувинские рассказы

Повесть о мальчике и чуме

До завтрака оставалось минут десять. Полулежа на кровати в своей комнате в общежитии на базе, я заполнял рабочую тетрадь, перенося из полевого блокнота результаты вчерашних маршрутных учетов. Послышались торопливые приближающиеся шаги, в дверь постучали.

– Да! Заходите!

В дверном проеме появились две женщины – врач-бактериолог Тамара Павловна и медицинский энтомолог Людмила Николаевна. Обе были растеряны и напуганы. Мне объяснили – что случилось. Задав пару уточняющих вопросов, я поднялся:

– Быстро в лабораторию!

Сев за микроскоп, стал рассматривать агаровую поверхность на одной из двух поставленных передо мной чашек Петри, используемых для выращивания микроорганизмов. Легкий зернистый центр явственно начинал прорисовываться у всех колоний. По их периметру были отлично видны изящные кружевные «платочки». Колоний было много. Во всех секторах и на обеих чашках.

– Сколько времени прошло?

– Суслика очесали и вскрыли утром, перед завтраком, посева сделали сразу после – в девять утра.

– Значит, будем считать, – суточный. Хороший рост! Что термостат?

– Держит – утром двадцать пять градусов.

– Сливной рост из всех органов за неполные сутки! Какая сильная зараженность! Патология что?

– Небольшие изменения были – в печени и селезенка чуть увеличена. И легкие с геморрагиями.

– Почему вчера не сказали?

– Лаборантка мне доложила, а я не придавала значения. Посчитала, что и от других причин такая картина могла проявиться, – виноватым голосом ответила Тамара Павловна. Она пришла на нашу станцию из инфекционной больницы недавно и в некоторые важные мелочи не сразу вникала.

– Ладно, понятно. Биопробы?

– Все, как положено. Две белых мыши. Заражены суспензией органов накожно и подкожно. Раз такой рост на чашках – завтра должны пасть.

– Где его нашли? – обратился я уже к Людмиле.

– На этикетке стоит «Суслик агонирующий, Эльды-Хем, верх». И дата. Больше ничего.

– Надо ехать, разбираться. Очень странно. В верховье Эльды-Хема никогда чумы не находили. Где сейчас Усолецев?

– Зоогруппа стоит на Кускаше, он всегда сначала там сто-

янку делает. Дмитрий Борисович, а можно с Вами съездить? Новый участок, тоже надо бы своими глазами увидеть!

– Хорошо, Люда. Скажи Виктору, чтобы машину готовил. Сейчас быстро завтракаем, собираемся и в девять выезжаем.

Интересно начинался денечек! Наш противозидемичекий отряд заехал на свою летнюю базу четыре дня назад. Первый день ушел на разворачивание лаборатории, второй – на другие хозяйственные дела, необходимые для следующих двух месяцев ударной работы. В этот хоздень, прямо с утра, начальник зоогруппы, отправился к своим знакомым в горы покупать сарлыка (яка) на мясо, которое потом делилось поровну между лабораторией и зоогруппой.

Сарлыка брали в начале каждого сезона, мясо обходилось намного дешевле, чем его покупать в местных магазинах или на рынке. К тому же, чабаны сами забивали бычка, сами разделывали, и надо было только привезти его на базу. Зоолог Усольцев уже расплачивался с хозяином, когда сын чабана принес и отдал ему умирающего суслика.

У всякого медицинского зоолога на шее висит бинокль, на поясе – нож, а в карманах обязательно имеются блокнот с карандашом, пробирка и пара мешочков, на случай, если где-то на маршруте попадетсЯ дохлая мышь или еще какой подходящий для исследования на чуму или другие инфекции материал. В такой мешочек Усольцев и поместил суслика и отдал его в лабораторию, когда привез на базу разделанного сарлыка. Толком он ничего не рассказал.

Зверька положили в специальную яму для доставленного материала и оставили до утра. Как сегодня выяснилось, суслик оказался зараженным чумой, и теперь предстояло выяснить все обстоятельства этой находки. Особенно беспокоил чабанский сын, который обнаружил и принес больного зверька – очень сомнительно, чтобы он при этом надевал медицинскую маску и резиновые перчатки. Учитывая сливной рост возбудителя в посеве из легких суслика – если мальчик вдохнул большую дозу чумного микроба, то у него вполне может сразу развиваться легочная форма...

* * *

Вспышка легочной, Монголия, двадцать лет назад...

Фельдшер оказался маленьким, сухоощавым и сильно стесняющимся от внимания стольких людей. Начальник противочумной станции что-то произнес по-монгольски и перевел для меня:

– Я сказал ему, чтобы он все рассказывал, как можно подробнее. Что нам надо, все-таки, разобраться – почему он заболел!

Мы находились в медицинском пункте сомона (района) одного из южных аймаков Монголии, расположенного на границе пустыни Гоби и высоких горных хребтов Монгольского Алтая. Кроме фельдшера, меня (прикоманди-

рованного советского специалиста) и начальника станции, в помещении находился еще один монгольский врач – эпидемиолог из аймачного центра и глава местной администрации, желающий выяснить – все ли правильно делается с работой по чуме в его сомоне. Фельдшер все подробно изложил и показал – как поминутно развивались события.

Здание было сделано из самана (глины пополам с соломой с добавлением навоза), почти квадратной формы, примерно пять на пять метров. Посередине находилась такая же саманная стена, делящее медпункт на две части. Стол фельдшера располагался прямо напротив входной двери в дальнем конце комнаты. Справа от входа присутствовала еще одна дверь, ведущая в соседнюю комнату с двумя застеленными койками – изолятор для больных.

Сбоку от стола стоял шкаф с медикаментами, укладками для экстренных выездов, противочумными халатами и всем остальным, необходимым для работы. На тумбочке в самом углу видна была электроплитка, алюминиевый чайник и открытая коробочка с мелким печеньем. С другой стороны стола имелось единственное в комнате, но большое окно.

Со слов фельдшера, в тот день он, сидя за столом, занимался заполнением журналов. В дверь зашел человек, по виду – скотовод. Выглядел пьяным, с красным лицом. Он, сильно кашлял, с трудом держался на ногах и разговаривал сбивчиво, не всегда сразу понимая – о чем его спрашивают. Фельдшер с первого взгляда заподозрил чуму и спросил –

не охотился ли тот недавно на тарбагана?

Последовал ответ, что да, четыре дня назад в горах он подстрелил тарбагана, приготовил и съел. Позавчера он вернулся в свою юрту, а на следующий день заболел. Сегодня едва смог доехать до сомона, очень плохо себя чувствовал. Дома осталась жена с тремя детьми. Рядом стоит юрта его брата, там двое взрослых и двое детей. Этот разговор у них длился не более двух-трех минут.

Фельдшер приказал чабану зайти в изолятор, закрыть за собой дверь и лечь на кровать. Сам же, не мешкая, открыл шкаф, достал бутылку со спиртом и тщательно обработал открытые части тела. Прополоскал рот и промыл нос. Затем закапал в глаза глазных капель с антибиотиком. Проглотив положенные по инструкции таблетки тетрациклина, он на плитке вскипятил шприц, иглы и поставил себе внутримышечно укол стрептомицина.

После этого переделался в полный противочумный костюм с маской и очками и только тогда вышел из-за стола. Подойдя к двери, он закрылся на крючок, затем открыл окно и окликнув прохожего, попросил передать главе поселения, что в сомоне чума, что он с одним больным на изоляции и в каком месте находятся юрты с контактными. И что надо срочно сообщить эту информацию на противочумную станцию. Только закончив первоочередные дела, он обработал все поверхности дезраствором и направился к больному.

На станции о случившемся узнали через полчаса, когда

глава администрации сомона сам позвонил по телефону. Еще через десять минут во всем аймаке ввели карантин, для перекрытия дорог вокруг аймака и сомона выехали вооруженные отряды из сотрудников органов правопорядка и добровольцев. Спустя еще полчаса специально укомплектованная группа врачей со станции выехала на место происшествия. Через три часа они прибыли в центр сомона. К этому времени больной чабан уже умер, тело забрали на вскрытие в аймак.

Фельдшера не трогали, оставив на изоляции, и сразу направились к юртам. Они находились далеко в горах, и врачи добрались до места только к вечеру. Там все оказалось печально. Четверо уже болели, на следующее утро свалились с температурой и остальные. Ударные дозы антибиотиков позволили спасти две жизни, остальные шесть умерли.

Фельдшер, несмотря на все меры предосторожности, тоже заболел, почти неделю отчаянно бился в одиночестве с болезнью, сам себя колол антибиотиками, стал хуже видеть и слышать, но выжил. На этом вспышка чумы закончилась – через шесть дней после выздоровления фельдшера карантин в сомоне и аймаке сняли – он выполнил свою задачу.

Я встал и прошелся по комнате, замеряя шагами расстояние от двери до стола, за которым тогда сидел фельдшер.

– Здесь же полные четыре метра! Ну, не мог, не мог он при обычном кашле с такого расстояния заразиться! Есть же данные со многих сотен вспышек! Наверняка был какой-то

другой путь!

Мы снова принялись обсуждать проблему. Действительно, считается, что при воздушно-капельном пути заражения дальше двух метров инфекция при кашле не передается. Опять начали пытаться фельдшера – где и на чем он мог проколоться, как сумел подцепить заразу? Тот твердо держался на своем.

Начальник станции тоже несколько раз прошелся по кабинету вперед-назад, изучая обстановку. Потом спросил у фельдшера, точно ли он уверен, что больной чабан плотно закрыл за собой дверь? Тот повспоминал и сказал, что да, уверен. Хотя зашедший чабан плохо себя контролировал и замешкался в дверях, но все закрыл плотно.

– А ветер, ветер в этот день откуда был?

– Вчера только ветер на северо-запад перешел, до этого дней десять с юга дул! – прокомментировал глава администрации.

– Точно, тогда был южный ветер! – подтвердил фельдшер.

– Так, а дверь на юг выходит! И ведь окно было приоткрыто?

– Нет, только форточка!

– Форточка? Этого достаточно! Ну, вот, наконец, все и выяснили! – удовлетворенно подытожил начальник станции.

Действительно, теперь все встало на свои места. Больной чумой с колоссальным количеством бактерий выделяемых при кашле, зашел в помещение медпункта. Сеней или там-

бура перед входом не было, только небольшой навес. Через открытую дверь порывом ветра бактерии с каплями мокроты пронесли через комнату и попали на фельдшера. Пока тот прояснял ситуацию и уточнял детали, микробам хватило времени внедриться в его организм так, что проведенная сразу за этим дезинфекция не помогла. Здесь все сами убедились, что любые расчеты, сделанные при одних условиях, в других могут оказаться ошибочными!

* * *

Итак, мы выехали с базы. В трех километрах от нее находился поселок, центр одного из самых удаленных районов республики. На улицах, по случаю теплой, безветренной погоды, то и дело встречались компании беззаботной молодежи, степенно прогуливались старики и мамыши с колясками. На стадионе два десятка чумазых пацанов гоняли мяч, еще столько же наблюдали за игрой. Обстановка была спокойной и мирной.

Заскочив на стоянку зоогруппы, забрали с собой Усолецва. Тот рассказал, что юрта старого Мергена (чабана у которого покупали сарлыка) находится в самом верху ущелья Эльды-Хема. Заехать туда можно только через морену, от подножия Суур-Тайги, до нее отсюда час езды, и там ползти по камням морены на нашей санитарке – еще час не меньше. Но что делать?

Солнце стояло в зените, когда, преодолев вброд неглубокий здесь Эльды-Хем, мы, наконец, выехали к нужной юрте. Она стояла на широкой приречной террасе, покрытой нарядным, многоцветным ковром из альпийских цветов. Мергена я хорошо знал и сразу заметил, что среди вышедших навстречу нам людей, не было его младшего сына. Поздоровавшись со всеми, предчувствуя неладное, поинтересовался:

– Мерген, а где Хеймер-оол? Он уже вырос, наверное?

– Да, большой совсем стал. Месяц назад четырнадцать исполнилось. Он там, Дима, – чабан махнул рукой в сторону гор. – Скоро должен молодых сарлыков пригнать!

Через пару минут на склоне, в полукилометре отсюда, появилось стадо сарлычат, за ними бодро двигалась фигурка мальчика. У меня отлегло от души. «А, может, все обойдется?» Пока дожидались виновника торжества, пили чай в юрте, степенно побеседовали о погоде, здоровье скота и людей, о расплодившихся волках... Парень перешагнул через порог и поздоровался. Я встал:

– Здравствуй Хеймер-оол! Времени у нас совсем мало. Пойдем, покажешь, где суслика нашел!

Мальчик провел нас к склону горы на небольшую полянку, густо изрытую суслиными норами, показал место, где он заметил медленно идущего и шатающегося «как пьяный», зверька. Я прикинул расстояние – до юрты метров сто, не меньше.

– Хорошо, и что ты сделал? Позвал «чумников»? – в глу-

бине души я все еще надеялся на хорошее.

– Не, я его взял и принес к машине. Там отдал.

– Хорошо, а нес ты его в чем? В тряпке какой-нибудь? – я уже непроизвольно как будто подсказывал пареньку – что надо отвечать.

– Не, я его кепкой поймал, в ней и принес.

– Какой кепкой?

– Да вот этой! – мальчик снял с головы свою кепку-бейсболку и протянул нам. Мы все попятнулись.

«Ой-ей! Да уж, парень, тут, кажется, ты влип!», подумал я и, с уже последней надеждой, поинтересовался:

– Хеймер-оол, ну, ты же завернул суслика в бейсболку, нес его на вытянутых руках, отдал дяде-зоологу, потом вымыл руки и лицо с мылом и выстирал бейсболку?

– Нет, а зачем? Нес я его, вот так, – он показал, как прижимал зверька к груди. – Смотрел на него, ему совсем плохо было... А потом отдал дяденьке и кепку одел. Не, руки не мыл. Да и вообще, у нас здесь в горах грязи нет. Я по радио слышал!

– Тебя от чумы в этом году прививали? Ну, плечо врачи в интернате царапали?

– Нет, мне не делали! Мы с другом тогда к тетке в гости ходили, когда прививки всем ставили.

Все перевели взгляды на меня – и Усольцев, и Людмила, и шофер Виктор. Я судорожно прикидывал варианты. Мальчик нашел суслика и тесно контактировал с ним позавчера

днем. У суслика из посева легких тоже сливной рост микроба. Очень велика вероятность развития самой опасной – первично-легочной чумы. Сейчас пошли третьи сутки. Парень не привит. Скорее всего, он заболит сегодня. Связи здесь никакой нет. До поселка ехать часа четыре. То есть, мы доберемся не раньше шести вечера...

Все начальство уже разбежится по домам. Пока их разыщешь, пока объяснишь, пока они начнут выбирать машину и искать на нее бензин. Пока найдут укладки... Однозначно, сегодня они не выедут, только утром. Когда доберутся, пойдут четвертые сутки. Мальчик, возможно, уже умрет. Оставшиеся трое взрослых и трое детей в юрте к этому времени заразятся, если сразу легочная чума, вряд ли кого-то получится спасти...

Ярко светило солнце, небо на такой высоте казалось неестественно синим. Белая одинокая тучка в сотне метров ниже нас плавно ползла по зеленому склону горы. Над поляной кружил коршун, высматривая – чем поживиться.

Я бросился к машине, схватил и перебрал аптечку. «Эх, ну как я не догадался взять с собой противочумную укладку? Там же все есть, и антибиотики тоже! Понадеялся на авось...» В автоаптечке не было почти ничего полезного в данной ситуации, кроме градусника. Я встряхнул градусник и дал его Хеймер-оолу:

– На, поставь!

Вид у мальчика был бодрый, температура нормальная,

даже не верилось, что страшная инфекция уже находится в этом юном организме. «Так, температуры нет. Значит, микроб еще не начал размножаться в крови. Значит, для нас вероятность заразиться пока небольшая. Надо везти в поселок, там сразу изолировать и начать курс антибиотиков. Только в этом случае все может обойтись. Молодой, крепкий парень, может быть, если дозу получил не очень большую, организм и справится. Главное – успеть как можно раньше лечение начать. Но, если оставить здесь, то он точно умрет. Погибнут и остальные люди в юрте! Может, конечно, кого-то и успеют откачать...»

Коротко объяснив ситуацию Мергену, я сказал ему сидеть в юрте и ни с кем из соседей не общаться до приезда бригады врачей из поселка. Забрав мальчика, мы пошли к машине. Усольцев прытко рванул вперед и занял место в кабине с водителем, тут же задвинув стекла в салон. Мы с Людмилой и Хеймер-оолом расселись по боковым лавкам. Переваливаясь через валуны, подпрыгивая на камнях, санитарка долго преодолевала морену и, наконец, достигла нормальной грунтовки. И тут мальчик внезапно и сильно закашлялся...

Людмила мгновенно надела на голову капюшон энцефалитки и, затянув шнурок вокруг лица, закрыла сгибом локтя нос и рот. Мне, от нервов, наверное, стало весело. Я хлопнул ее по коленке и громко расхохотался:

– Людк, а, Людк! Так нам же по медали за эту поездку дадут! – и жизнерадостно добавил: – Посмертно!

Людмила одарила меня полным отчаяния взглядом и отвернулась к окну. Водитель и Усольцев, видимо, все услышали и тоже натянули капюшоны курток от своих энцефалитных костюмов. Мальчик перестал кашлять. Возможно, это была просто реакция на пыль, проникшую через щели в салон.

Высадив по пути на стоянке зоогруппы Усольцева, мы прибыли в поселок. На улицах людей заметно прибавилось. Первым делом я бросился в больницу, быстро объяснил ситуацию молодому дежурному врачу. Тот оказался толковым парнем и сразу понял, что к чему. С вызванной медсестрой они взяли пробы на анализы, достали шприцы и таблетки и начали антибиотикотерапию.

Вызванное по телефону, приехало начальство. Пока оно собиралось, измерили температуру мальчику – пока норма. Крайне недовольный тем, что его оторвали от ужина, упитанный главный врач ЦРБ откровенно тянул время, говоря, что свободных помещений у него нигде нет и пытаюсь, в нарушение всех инструкций, отправить пациента к нам на базу. Он в районе появился недавно, ничего про чуму не знал и не хотел знать. И вообще не желал ничего слушать про необходимость организации срочного выезда медицинской группы с укладками для наблюдения в Эльды-Хем.

Взбешенный, через полчаса я колотил берцами в ворота усадьбы главы администрации района. Пришлось яркими мазками нарисовать ему жуткую картину, с полным хаосом.

сом, заваленным трупами павших от чумы людей поселком и кружащими сверху стервятниками. И объяснить, что все это неминуемо наступит в ближайшую неделю, если немедленно не предпринять нужные меры. Уже через двадцать минут мальчика поместили в освобожденный и подготовленный отдельный бокс инфекционного отделения. Через полчаса в здании администрации собрался СПЭК – специальная противоэпидемическая комиссия, с участием врачебного начальства, руководителей всех силовых структур и основных департаментов администрации, на ней были приняты все нужные решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.